

Мы шли между тёмных деревьев,
навстречу прыгали чудища,
пугали невероятными глазами
и делали много страшного,
например: говорили всё, что у нас на уме,
показывали газету с нашими фотографиями,
подлетали вверх и не опускались вниз,
висели в воздухе, кряхтели, переливались,
а потом главное чудище заплакало и произнесло:
«Мне бы рассвет над весёлой рекой,
тогда бы эти лапы в руки и превратились,
мне надоело пугать, потому что самому страшно,
нужно только, чтобы вы нас скорее простили».
Оно рыдало. Деревьев черные башни
стояли, не двигаясь, мы пробирались дальше.
Прощать, или не прощать — не входило в задачу.
Единожды обернувшись, увидели, насколько алчен
взгляд того, кто, казалось, горше всех плачет.

Потом, как водится, открылось небольшое озеро,
по неподвижной воде прогуливались невысокие птицы.
Одна из них заметила: «Давно просим мы
отражение с нашими телами объединиться,
а оно почему-то не хочет. Может, вы поможете,
скажете несколько слов этой озёрной площади».
Такая помощь не входила в наши возможности.

Мы перешли воду и оказались на той стороне, некто по имени Цы сопровождал стадо свиней, те хрюкали и топали, однако вокруг — ничего. — Помогите, — обратился Цы, — это невероятно, свиньи должны шуметь, в этом их существо, а они — точно тени на костяных пятках.

Но мы прошли. В этом пути мы всё миновали. Показался город. В упорядоченном завале домов, монументов, бассейнов и людей мы ничего не меняли. Как по неподвижной воде, дальше, вперед. И снова между тёмных деревьев. Путь замкнулся. Прямая превратилась в кольцо. Знакомые чудища нас пугали смиренно. Ладно, прощаем, иначе, зачем наш сон ведёт нас? Птицы пускай в воде отражаются. Бедный Цы. Свиньи зашумели одновременно. Один только город ни о чём не просил. Безжалостно вбивал в себя монумент за монументом.